

МОНСТР

ФРЭНК
Перетти

Издательский Дом
ХРИСТОФОР

Frank Peretti

MONSTER

Copyright © 2005 by Frank Peretti

Published in Nashville, Tennessee, by WestBow Press,
a division of Thomas Nelson, Inc.

ISBN 0-8499-1180-X

Перетти Ф.

Монстр / Пер. с англ. — СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия»,
2007. — 496 с.

ISBN 978-5-8445-0136-4

© Издание на русском языке. Издательский Дом «Христофор», 2006.
Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

Посвящается Барбаре Джин,
моей настоящей любви и лучшему другу

Дорогой читатель!

Шесть лет — долгий срок. Особенно для поклонников Фрэнка Перетти, ожидающих появления в печати его очередного большого романа. Но именно столько времени прошло со дня выхода в свет последней сенсационной книги этого автора.

Теперь ожидание закончилось. И «Монстр» публикуется в момент наивысшего расцвета писательского дарования Фрэнка Перетти.

Приготовьтесь войти в мир девственной природы, где больше не действуют законы цивилизации. В мир, где таятся странные тени. Где существа, издавна считавшиеся плодами чрезмерно живого воображения и порождениями ночных кошмаров, охотятся... на вас.

Открыть больше значило бы открыть слишком много. Как издатель я всячески старался сохранять в тайне фабулу романа, чтобы вы, читатель, смогли наслаждаться каждой страницей. Я обещаю вам море удовольствия — вас ждет увлекательное путешествие. В конце каждой главы вы найдете карту, которая поможет вам следить за развитием сюжета. Но даже с картами вам будет трудно предугадать дальнейший ход событий. Как только вы решаете, что все поняли, воображение Перетти уводит вас в совершенно неожиданную сторону, открывается потайная дверь, и вы осознаете, что в романе больше смысловых планов, чем вам казалось.

Наслаждайтесь чтением — но не вините меня, если обнаружите вдруг, что стали ложиться спать с фонариком под подушкой, поскольку на сей раз чудовище реально. Более реально, чем вы можете предположить.

Издатель «Уэстбоу Пресс»

Слова признательности

Непросто найти сведущих людей, способных отнестись с энтузиазмом к книге другого человека, когда у них самих есть собственные дела и обязательства. Ребята, чьи имена вы найдете чуть ниже, оказали мне неоценимую помощь, благодаря которой я получил огромное удовольствие от работы над данным романом:

Джонатан Уэллс, доктор биологии, старший научный сотрудник исследовательского института, его книга «Идолы эволюции» стимулировала деятельность моей творческой фантазии, именно он помог мне прояснить главную идею романа за приятным ланчем.

Доктор Дэвид Деуитт, директор творческого центра при Университете Свободы, который, будучи блестящим ученым и техническим советником, обладает также незаурядным литературным даром.

Доктор Пол Бриллхарт, мой семейный врач, который любит рассказывать истории и вышел за рамки своих служебных обязанностей, чтобы снабдить меня необходимым материалом из области медицины.

Ник Хогамьер, настоящий охотник, кристальной души человек, чьи знания и захватывающие истории легли в основу образа Пита Хендерсона.

Глубоко благодарю всех вас, с чьей помощью работа над «Монстром» превратилась для меня в увлекательнейшее приключение!

*Фрэнк Перетти
Апрель 2005*

Глава 1

Охотник, с винтовкой в руках следовавший по звериной тропе, резко остановился и застыл неподвижно, почти невидимый в густых зарослях ирги и сосен. Он что-то услышал.

Первые солнечные лучи пламенели над горной грядой на востоке, пробиваясь сквозь сплетения ветвей и прорезая утренний туман полупрозрачными клиньями, на фоне которых темнели крохотные галактики роящейся мошкары. Скоро нагретый воздух поднимется над лощиной и сосны зашепчут на легком ветерке, точно далекий прибой, но сейчас, в короткий период затишья между ночной прохладой и дневным зноем, все звуки обрели удивительную четкость в недвижимом воздухе. Охотник слышал биение собственного сердца. Шуршание веток о рукава камуфляжной куртки казалось громким и резким, хруст веток под сапогами почти пугал.

Леденящий душу вой, донесшийся до него с расстояния нескольких миль, слышался достаточно явственно сквозь щебет соек и трескотню белок.

Охотник ждал, затаив дыхание, пока вой не раздался снова: протяжный, тоскливый, он поднялся до высокой ноты, исполненной боли, почти предсмертной муки, и долго тянулся на ней, прежде чем оборваться.

Бровь Охотника изломилась под козырьком фуражки. Для волка вой слишком низкий и гортанный. Кугуар никогда не издает подобных звуков. Медведь? Вроде непохоже. Судя по вою, зверь расстроен.

Он находится далеко впереди.

Охотник двинулся дальше скорым шагом, подныривая под ветки, стреляя глазами по сторонам, быстро сокращая расстояние между собой и предполагаемой добычей.

Еще не успев пройти по тропе очередную милю, он увидел брешь в зеленом хвойном пологе и освещенное утренним солнцем открытое пространство за деревьями. Он приближался к вырубке.

Он предусмотрительно замедлил шаг и нашел укрытие за огромной поваленной елью.

Всего в нескольких ярдах от него находился участок лесозаготовительных работ, усыпанный щепками, ветками и утыканный пнями свежеспиленных деревьев. Через него тянулась грунтовая дорога, неподалеку высилась огромная, размером с дом, куча сучьев, подлежащих сожжению, а у дальней границы вырубки стоял громоздкий желтый бульдозер с выключенным двигателем и облепленными влажной землей гусеницами. Возле дороги поднимался высоченный штабель аккуратно уложенных бревен, приготовленных для лесовозов.

Охотник не заметил никакого движения, а тишину нарушало лишь тихое урчание пикапа, который стоял посреди участка с работающим на холостом ходу двигателем.

Он немного подождал, сидя на корточках за поваленным деревом, скользя напряженным взглядом по вырубке в поис-

ках людей, которые должны были находиться там. Но никто не появился, а двигатель пикапа все продолжал урчать.

Охотник перевел взгляд с пикапа на бульдозер, потом на штабель бревен и снова на пикап, ибо его внимание привлек какой-то предмет, торчащий из-под передних колес. Он выхватил из кармана небольшой бинокль и посмотрел в него.

Предметом оказалась человеческая рука, неподвижная и измазанная красным.

Оглядевшись по сторонам, Охотник подождал еще несколько секунд и, удостоверившись, что никого поблизости нет, перелез через ствол поваленной ели и крадучись вышел на вырубку, осторожно ступая с камня на пень, с пня на мшистую кочку, стараясь не оставлять следов на земле. Пикап утопал колесами в рыхлой земле, недавно взрытой бульдозером, но с этой проблемой Охотнику предстояло разобраться позже. Сейчас он тщательно просчитывал каждый следующий шаг.

Достигнув автомобиля, он на несколько мгновений остановился, а потом осторожно обогнул его, вытянув шею, нисколько не расположенный к ужасным сюрпризам.

То, что он обнаружил с другой стороны пикапа, сюрпризом не оказалось, но представляло собой ужасное зрелище и определенно проблему. Чертыхнувшись, Охотник оперся на капот, скользнул настороженным взглядом по линии деревьев и лесовозной дороге и принялся обдумывать возможные варианты действий.

Лежащий на земле бездыханный мужчина явно был рабочим из бригады лесорубов, скорее всего бригадиром, который слишком задержался на участке один накануне вечером, судя по окоченению тела. Он лежал на животе в грязи, с переломанными костями, с засохшими струйками крови под носом и в углах рта, с неестественно вывернутой головой на сломанной шее. В нескольких футах от него валялась каска, а земля вокруг пикапа была усыпана кусками искромсанной

металлической коробки для ланча и изжеванными пластиковыми обертками.

«У меня нет времени для этого!»

Охотник быстро подавил гнев. Он должен все продумать, просчитать и спланировать свои дальнейшие действия.

Он перевел взгляд на штабель бревен. Вот возможный вариант. Он может представить дело как несчастный случай, который объяснит ужасное состояние изуродованного тела погибшего.

Где ключи от бульдозера?

Оставив винтовку у пикапа, Охотник подбежал к бульдозеру, взобрался на массивную стальную гусеницу и залез в кабину. Он тяжело опустился на потертое, изодранное водительское сиденье и пошарил по приборной доске в поисках ключа. Потом он хмыкнул, хлопнув себя по лбу: ну конечно! Здесь же не город, где сопливые хулиганы болтаются по улицам без дела, высматривая, что бы такое стянуть при удобном случае, а эта машина не предназначена для увеселительных поездок. Ключ торчал в замке зажигания.

Время, когда он работал в строительной бригаде на летних каникулах в колледже, осталось в далеком прошлом, но если эта машина хоть немного похожа на экскаватор, которым он управлял тогда...

Он повернул ключ в положение «предварительный прогрев», подождал немного и повернул в положение «пуск».

Бульдозер взревел, выпустив из выхлопной трубы клуб черного дыма.

Охотник продолжал напряженно размышлять, по-прежнему прикидывая и просчитывая варианты, когда включил сцепление и привел громадную машину в движение. Задним ходом она шла легко. Передним еще легче. Осторожно манипулируя рычагами и педалями, он подогнал бульдозер к штабелю бревен сзади и оставил там с работающим двигателем.

Волочить изуродованный труп по земле — дело неприятное, но другого выбора у него нет. Охотник схватил мужчину за кисти — правая рука у него осталась целой, но левая, сломанная над локтем, свободно изгибалась во все стороны, как резиновый шланг, — и поволок за собой по веткам, траве, камням и щепкам. Голова мужчины безжизненно болталась на свернутой шее и билась по земле. Подтащив окоченевшее тело к штабелю бревен, Охотник отпустил руки и оно шлепнулось в пыль.

Снова усевшись в бульдозер, он подал машину немного вперед и подвел нож под нижние бревна. Тщательно выверенным движением он потянул на себя рычаг, потихоньку приподнимая нож, а вместе с ним бревна — выше, еще выше, — и наконец...

Штабель рассыпался. Бревна с грохотом покатались вниз, подпрыгивая, сталкиваясь друг с другом, с глухим стуком ударяясь о землю, вздымая клубы пыли.

Мертвое тело исчезло под грудой бревен.

Нет времени, нет времени! Охотник задним ходом отогнал бульдозер на прежнее место, выключил двигатель и спрыгнул на землю. Он подбежал к пикапу, собрал и положил в карман все до единого куски рваного металла и клочья полиэтилена, какие только нашел. А потом, перекинув винтовку через плечо, отыскал взглядом и схватил обломанную еловую лапу, затем широкими взмахами принялся торопливо заметать все следы, отступая шаг за шагом с вырубки в лес.

Как и следовало ожидать, издали донесся постепенно усиливающийся шум автомобиля, который ехал по неровной лесовозной дороге, жутко воя на подъемах, кренясь при переключении скоростей, громяхая по рытвинам и таракхтя по гравиию.

Охотник пригнулся и бросился к деревьям, отшвырнув прочь еловую лапу. Едва он успел скрыться в лесу, грузовик

выехал на вырубку с другой стороны. Охотник крадучись пробирался сквозь густые заросли, бесшумно ступая по мягкой, усыпанной хвоей земле. Хлопнули дверцы грузовика. Раздались громкие голоса, потом тревожные крики. Сегодня утро у лесорубов будет тяжелым.

— Значит, три с половиной мили мы следуем по тропе Кейв-Лейк, а потом подходим к развилке, где от нее ответвляется тропа Лост-Крик... Бек? Ты меня слушаешь?

Ребекка Шелтон, двадцати восьми лет, подняла взгляд от зеркальца пудреницы, недовольная комковатой тушью на ресницах, но смиренно решившая оставить все как есть.

— К-какая тропа?

Ее муж Рид — здоровенный парень шести футов ростом, хорошо сознающий внушительность своих габаритов, — явно старался сохранять терпение. За шесть лет супружества она много раз видела это понимающее, но слегка раздраженное выражение лица. Он снова ткнул пальцем в расстеленную на капоте джипа «форд» карту с маршрутом, отмеченным ярким оранжевым маркером.

— Вот эта. Кейв-Лейк. Потом вот эта. Лост-Крик.

— М-м. Понятно.

Бек пыталась изображать заинтересованность и даже, по мере сил, энтузиазм в продолжение всей их долгой поездки или, как Рид называл данное предприятие, Вылазки в Зону Выживания. Поутру они устроили славный пикник — Предэкспедиционный прием пищи — на каком-то бревне, и даже сейчас — в ходе Финального инструктивного совещания у капота автомобиля — она изо всех сил старалась разделять взволнованное настроение Рида, но все же ее мало интересовало, сколько миль им предстоит пройти, сколько часов займет поход, по каким тропам придется следовать и

сколько физической энергии потребуется затратить. Во-первых, идея этого путешествия принадлежала не *им*, но *ему*. Он страшно увлекся этой дурацкой историей. Вытащил все свое туристское снаряжение, сапоги, рюкзаки, карты, сушеные абрикосы и полуфабрикаты. Он позволил ей выбрать *цвет* рюкзака (синий), но *модель* рюкзака выбирал *сам*.

— Если делать в среднем по четыре мили в час, мы можем добраться туда... за три часа, — говорил муж. Ну вот, он снова затянул свою песню. Бек вздохнула, и Рид искоса взглянул на нее. — Гм... но с учетом пересеченной местности и подъема на две тысячи футов, путь займет у нас шесть часов, что означает, что мы в любом случае доберемся туда до наступления темноты. Ты взяла свою флягу?

— Т-так т-точно. — Вообще-то «так точно» Бек намеревалась произнести хладнокровно, но она всегда заикалась на букве «т» — и особенно сильно сейчас, когда была расстроена.

— Только питьевая вода, помни. Обработывай любую воду, прежде чем пить.

— Б-бобровая лихорадка.

— Совершенно верно.

Бобровая лихорадка. По словам Рида, бобры испражняются и мочатся в ручьи, и потому воду из них пить нельзя — иначе они подхватят заразу, ужасную инфекцию, названия которой Ребекка даже не пыталась произнести.

— Бобровая лихорадка, — повторила она, просто ради удовольствия выговорить слова внятно. Буква «б» давалась ей без особого труда, особенно, когда она находилась наедине с Ридом. «В» и «с» представляли наибольшую сложность, особенно при посторонних или когда она волновалась. «Р» и твердое «к» заставляли ее нервничать, вот почему она сократила свое имя до «Бек» — так ей не приходилось произносить «р», а с устранением твердого «к» проблема решалась окончательно.

— Итак, тебе потребуется как минимум две или три квартиры воды в день, — сказал Рид. — Это в том случае, если ты не станешь перенапрягаться, поэтому расходуй силы экономно. И следи за количеством мочи. Оно должно составлять не меньше квартиры в сутки.

— Р-р-рид! — Она не верила своим ушам.

— Послушай, надо же остерегаться обезвоживания организма. Если ты выделяешь достаточно жидкости, ты знаешь, что и употребляешь достаточно.

— Т-там что, не будет никаких т-туалетов?

Рид весело улыбнулся.

— Золотко, а как ты думаешь, зачем тебе походные лопатки?

Ох, да. Эти маленькие складные лопатки, висящие на рюкзаках. Замечательно.

— Ты взяла туалетную бумагу, надеюсь?

Бек невольно закатила глаза.

— Да. Один рулон у меня в рюкзаке и еще немного в кармане.

Туалетную бумагу она упаковала в первую очередь и прихватила еще малость, про запас. Она представлялась Бек последним следом благопристойной, цивилизованной, разумной жизни, от которой ее отлучили, — если не считать складной расчески и маленькой косметички.

— Хорошо. Листья и трава могут вызвать зуд.

За годы совместной жизни она в совершенстве научилась играть роль рассерженной жены и сейчас выступила в ней с блеском.

Но это не обескуражило Рида. Он рассмеялся и шутливо потрепал жену по плечу. Она немного расслабилась.

— Не беспокойся, дорогая. Как только ты поднимешься в горы и начнешь осваивать искусство выживания, ты задашься вопросом, почему мы раньше никогда не делали этого.

— Я з-задаюсь вопросом, почему мы делаем это *сейчас*.

Рид несколько мгновений вглядывался ей в лицо.

— Потому что это пойдет нам на пользу. — Она хотела возразить, но он не дал. — Нет, просто нам это необходимо. Нам нужно провести неделю вдали от городской суеты, от телевизора и мобильных телефонов, от мелких проблем, которые мы сами себе создали.

— Тебе и Кэпу, возможно.

— Синг тоже идет.

— Это развлечение для мужчин. Для вас с Кэпом. Признай это.

— Нет, *ты* признай. Тебе необходимо немного встряхнуться. Комфорт — штука опасная. Ты постоянно торчишь дома, где все мирно и спокойно, где ничего никогда не меняется, и не успеваешь оглянуться, как начинаешь плыть по течению, жить по привычке, бросаешь учебу, перестаешь меняться, останавливаешься в своем развитии. — Рид указал рукой на горы впереди, могучие, высокие, меняющие цвет от ярко-зеленого до нежно-голубого в далекой дали, со снежными шапками на скалистых вершинах. — Здесь ты найдешь много нового. Новые впечатления, новые чувства, новые переживания тебе необходимы. Это стоит затраченных усилий. — Он многозначительно посмотрел на нее. — Иногда даже *неприятности* стоят затраченных усилий.

— Ты говоришь обо мне?

Теперь Рид явно разозлился.

— Я говорю обо *всех* нас.

— Ладно. Обо всех нас. — Бек задумчиво посмотрела на горы, потом опустила глаза вниз, на свое походное снаряжение: грубые туристские башмаки, длинные носки, шорты цвета хаки со множеством карманов, предназначенных для самых разных вещей, потрясный рюкзак с миллионом молний, ремешков и клапанов, спальный мешок и крохотная туго скатанная палатка, которая раскатывалась и станови-

лась достаточно большой для двух человек. Рид предварительно устроил три (не один и не два) коротких «пробных похода», чтобы проверить все на практике: удобность одежды, вес рюкзаков, качество туристских башмаков, время установки палатки — в общем, *все*. — Ну хорошо, я не дома и мне н-некомфортно, так что, полагаю, ты можешь быть д-доволен.

Рид улыбнулся.

— Неплохое начало.

Бек захотелось ударить мужа.

Он снова обратился к карте, и Бек попыталась сосредоточить внимание.

— Итак. Мы идем отсюда по тропе Кейв-Лейк до развилки, затем проходим по Лост-Крик еще восемь с половиной миль и без особого труда добираемся до охотничьего домика засветло. Он находится здесь, прямо у ручья. Рэнди Томпсон будет ждать нас там.

— С обедом?

— Скорее всего, Рэнди научит нас разводить костер без спичек и готовить обед из всякой всячины, которую можно найти в лесу.

— На это уйдет вечность.

Рид приподнял бровь.

— Рэнди может заварить чай из сосновой хвои за пару минут, через неделю мы научимся делать то же самое.

Бек состроила гримаску.

— Чай из сосновой хвои?

Рид пожал плечами — бестрепетный, жизнерадостный.

— Насколько я понял, он весьма неплох. Возможно, нам даже понравится.

— Он ведь не с-собирается к-кормить нас жуками и червями?

Веселая улыбка ни на миг не сходила с лица Рида.

— М-м-м... возможно, тебе и они придутся по вкусу.

Бек набрала в грудь воздуха, собираясь сделать язвительное замечание.

— Пожалуй, нам пора трогаться. — Рид свернул карту и засунул в одно из многочисленных отделений рюкзака, снабженных молнией, потом взвалил рюкзак на плечи и просунул руки под лямки.

Бек последовала примеру мужа. Рид держал рюкзак на весу, пока она, извиваясь, накидывала лямки на плечи. Рюкзак оказался не таким тяжелым, как она ожидала, — но, с другой стороны, может, он просто поначалу кажется легким.

Рид двинулся через усыпанную гравием парковочную площадку к тропе. Бек последовала за ним, один раз оглянувшись на ходу с целью удостовериться, что она ничего не оставила позади, помимо своего здравого смысла. Джим одиноко стоял там, точно преданный пес на дороге, провожающий взглядом уходящего хозяина.

— Ты запаришься в этой куртке, — заметил Рид.

Бек посмотрела на свою куртку из оленьей кожи, отделанную бахромой. Это был подарок отца, который тоже жить не мог без туристических походов. Она никогда не носила ее раньше, но сочла подходящей для этой прогулки.

— Я хочу быть Д-даниелом Б-буном, ясно?

— Тебе придется тащить ее в руках.

— Беспокойтесь о себе, мистер Всезнайка.

Рид шел легкой, пружинистой походкой, несмотря на тяжелую ношу за плечами. Он казался таким довольным, что Бек почти не сомневалась, что у него поехала крыша.

— Да, это именно то, что нам нужно.

Ты хочешь сказать «то, что мне нужно»! Несомненно, в лучшее время она частично признала бы правоту мужа, но в данный момент решительно не желала этого делать.

Итак, момент настал. Чувствуя себя Нейлом Армстронгом, Бек устремилась за своим безрассудным мужем и сделала Один Маленький Шаг с парковочной площадки на тропу.

Затем последовали другие шаги. Она дважды оглянулась назад, прежде чем знакомый мир окончательно скрылся из виду за густыми зарослями леса.

Потом, уже больше не оглядываясь, она быстро зашагала вперед, оставив один мир ради другого.

Дорога 228 летом «содержалась в хорошем состоянии», что на языке жителей штата Айдахо означало, что размытые дождями участки засыпают щебенкой и вы можете ездить по ней, если не имеете ничего против выбоин, по которым с грохотом прыгает ваш автомобиль, пыльной завесы перед глазами, непрерывного оглушительного хруста гравия под колесами и частого стука камешков о днище.

Доктор Майкл Капелла, приземистый темноволосый профессор колледжа тридцати с лишним лет, ехал по 228-й в «тойоте», напряженно высматривая все неровности дороги, все кочки, все ухабы, поднимаясь все выше в горы на скорости, близкой к опасной. Его жена Синг, очаровательная коренная американка, сидела рядом с выражением тревоги на лице, обеспокоенная лихой ездой мужа.

— Невероятные горы, — промолвила она, восхищаясь красотой пейзажа.

Кэп кивнул, крепко сжимая руль.

— Кэп, смотри, какой там живописный вид.

— Ты к чему клонишь?

— Сейчас еще только начало пятого. Мы доберемся до места задолго до условленного времени, так что расслабься. Сбрось скорость немного. Разве цель нашей поездки не отдых?

Он слегка отпустил педаль газа. Синг ничего не сказала, но едва заметная улыбка тронула ее губы.

Кэп позволил себе бросить быстрый взгляд вправо, где сразу за краем дороги круто уходил вниз к реке Сент-Мари длинный откос, а над бездонной, лесистой долиной кружила одинокая скопа. Он глубоко вздохнул и немного расслабил руки, державшие руль.

— Нелегко отвлечься от проблем.

Синг улыбнулась.

— Но вполне возможно. Они остались в прошлом.

Он на несколько мгновений задумался, все еще не в силах уразуметь смысл прозвучавших слов.

— Нет, они по-прежнему существуют, просто *меня* там нет. И я все думаю, что мне следовало бы остаться, поскольку *они* остались.

Синг хихикнула.

— Ты и этот договор о неразглашении! Из-за него ты говоришь загадками — ты замечал когда-нибудь?

— Извини. Я знаю, это невежливо.

Она дотронулась до его руки.

— Тебе не нужно ничего говорить и не нужно ничего доказывать — особенно мне. Я хорошо знаю человека, за которого вышла замуж.

Кэп медленно кивнул, чтобы избежать спора. Такого рода разговор повторялся не в первый раз, и жена была права, но ему всегда было трудно согласиться с ней. И сейчас тоже.

— Ну, в таком случае называй это отпуском. Отдыхом.

— Это отпуск. Это отдых. И Риду пришла в голову хорошая идея. — После паузы она добавила: — Мне так кажется.

Кэп переключил мысли на предстоящую неделю.

— Рид говорит, Рэнди Томпсон самый лучший. Кстати, он индеец.

— Что ж, значит, еще не все наши вымерли.

— Рэнди уже там, готовит хижину к нашему приезду и запасается провизией. Он постоянно проводит такие курсы

выживания — зимой ли, летом ли, не важно. Рид говорит, этого парня можно забросить в любой самый дикий уголок мира и он сумеет остаться в живых.

Синг еле слышно вздохнула и устремила взгляд в окно.

— Но чем ты занимаешься, пока живешь? Борьба за выживание — славное дело, но нельзя же заниматься этим вечно. Значение имеет, *как* ты живешь, пока живешь.

Кэп ухмыльнулся.

— Мне следует приклеить бумажку с этим афоризмом к холодильнику.

— Я запишу его для тебя. — Синг повернулась к мужу и положила ему ладонь на плечо. — Кэп, ты поступил правильно. Я горжусь тобой.

— По крайней мере, за дом заплачено. — Он выдавил улыбку. — Куда мы двинемся дальше, вот что меня беспокоит.

Синг улыбнулась. Он чувствовал, что она принимает его таким, какой он есть, не пытаясь ничего изменить к нему.

— Мы отправимся в горы, научимся преодолевать трудности, услышим голос Бога. Пока этого достаточно.

С минуту он вел машину в молчании, впервые обращая внимание на горные пики и водопады, потом взял руку жены и легонько пожал.

Через тридцать миль немилосердной тряски по гравийной дороге они достигли Эбни, некогда процветавшего шахтерского городка, давно пришедшего в упадок и ныне плохо понимающего, зачем и для чего он тут.

— Что ж, атмосфера здесь своеобразная, — заметил Кэп, когда они на малой скорости ехали по главной улице мимо ветхих магазинчиков, потрепанных автомобилей и шелудивых бродячих псов.

— Деревенская, — тактично уточнила Синг, выбором даже такого определения сильно польстив городку.

Они проехали мимо обшитога вагонкой заброшенного здания бара, мимо гаража, вокруг которого беспорядочно теснились полуразобранные легковушки и грузовики, мимо скобяной лавки, музея горной промышленности (примечательного своим новым крыльцом) и здания почты размером чуть больше телефонной будки. Они еще не встретили ни одного человека.

— Не терпится увидеть *отель*, — саркастически заметила Синг.

— Я слышал, место что надо, богатое историческое наследие Айдахо.

Они достигли конца главной улицы, находившегося недалеко от начала, и обнаружили там большую бревенчатую хижину, к которой кто-то пристроил еще один этаж, потом еще одно крыло и мансарду, потом еще одну спальню, а потом еще четыре спальни, как в мотеле, а под конец привел весь архитектурный ансамбль к единству, пустив по периметру здания длинную веранду, которая прыгала вверх-вниз, чтобы оставаться на уровне дверей всех многочисленных пристроек. Вывеска, болтавшаяся на цепи над подъездной дорогой, гласила: «Отель „Высокие сосны“». На выдавшем виды фанерном щите, приколоченном к редкой изгороди из жердей, имелась надпись «сдаются номера», а чуть выше ее торчал ржавый гвоздь, предназначенный для таблички «номеров нет» — на случай, если когда-нибудь такой случай представится. Судя по малому количеству автомобилей на парковочной площадке, отель «Высокие сосны» в настоящее время не процветал.

Кэп поставил машину за двумя пикапами с надстроенными бортами кузовов (для перевозки дров) и микроавтобусом, из заднего окошка которого на них таранился грустный старый пес — вероятно, прародитель всех прочих городских собак.

— Хм-м, — задумчиво протянул Кэп. — Рид говорил, что в это время года здесь жизнь бьет ключом.

Вестибюль представлял собой тесную комнатенку, зажатую между кафе и сувенирной лавкой, с лосиной, оленьей и медвежьей головами на стенах и одним оромным канделябром из ветвистых рогов, висевшим над регистрационной стойкой.

Седовласый морщинистый хозяин отеля, стоявший за стойкой, расплылся в улыбке, показав серебряные зубы.

— Вы, надо полагать... э-э... Кампанелла.

— Капелла. Это моя жена Синг.

Синг обменялась с хозяином рукопожатием. У него были мозолистые руки с шишковатыми пальцами, разрубившие на своем веку немало бревен и выдубившие множество оленьих шкур.

— Синг, — недоуменно повторил старик. — Видать, какое-то сокращение.

— «Поющая утром», — пояснила она. — Мои родители верны старым традициям. — Не то, чтобы она сама не хранила верность традициям: дом Кэпа гордился восхитительнейшими работами прикладного искусства, выполненными в индейском стиле, и она часто заплетала свои длинные черные волосы в традиционные косички, как сделала сегодня.

Серебряные зубы снова сверкнули.

— Имя вам очень подходит. — Он протянул руку Кэпу.

Кэп крепко пожал ее.

— Я Майкл, но друзья зовут меня Кэп.

— Арлен Пик, рад с вами познакомиться. Теперь мы с вами друзья, и я могу называть вас Кэпом.

— Как насчет номера для нас?

Пик протянул регистрационную карточку, чтобы Кэп заполнил.

— Сто четвертый, для вас с миссис.

Кэп принялся писать, еле заметно улыбаясь, впервые с момента, когда они покинули Спокан.

— Итак... — промолвил Пик, наблюдая за Кэпом. — Рэнди говорит, вы собираетесь провести неделю в горах.

— Да. Наши друзья уже, наверное, добрались до места. Мы отправимся в горы и присоединимся к ним завтра утром. Мы припозднились на день, но наверстаем упущенное время.

— Пришлось ждать, когда отпустят с работы, надо полагать.

— Синг пришлось.

Синг бросила на него любящий, но укоризненный взгляд, а потом нарушила молчание, задав вопрос:

— И что собой представляет эта хижина?

Пик сконфуженно хихикнул.

— Ну, скажу прямо, это не «Хилтон», но она в хорошем состоянии. Я и мои друзья-охотники провели там небольшой ремонт недавно. Настелили новый пол, залатали крышу, в общем, привели все в порядок. Вы ж понимаете, это просто пристанище для охотников. Там несколько коек, несколько полок, несколько крючков на стенах, чтобы вешать одежду, — но больше, собственно, ничего. Рэнди считает, так лучше. Так людям легче забыть о цивилизации и почувствовать себя наедине с девственной природой.

— Мы к этому готовы, — сказал Кэп, протягивая через стойку заполненную карточку.

— Ага. Рэнди отправился туда сегодня утром, так что он уже ждет вас. — Пик на мгновение задумался. — Но вам нужно соблюдать осторожность. Смотрите в оба, держите ухо востро и... э-э... не задерживайтесь там, если... ну, если вам покажется, что пора сматываться.

Кэп и Синг смотрели на него, ожидая дальнейших пояснений.

Пик встретился с ними взглядом.

— В общем-то, мистер Капелла... Кэп... у нас тут никогда не происходило никаких неприятностей. Рэнди это знает и всегда так и говорит своим клиентам, но я вроде как пытался сказать ему, что сейчас здесь творится что-то неладное. Жаль, его не было в городе несколько часов назад, когда по улицам прямо среди бела дня пронеслось стадо оленей, словно спешащих покинуть наши края. Странная история. В это время года олени обычно еще не спускаются с гор.

— О чем вы говорите? — спросил Кэп. И он, и Синг стояли неподвижно, устремив глаза на старика.

Казалось, он замялся на мгновение, прежде чем ответить.

— Я давно живу здесь, Кэп, вот здесь, в этом самом доме. А когда ты долго живешь на одном месте, то знаешь, какие события и в какой последовательности должны происходить. — Пик перегнулся через стойку, чтобы выглянуть в выходящее на улицу окно. Он указал в него рукой и продолжил: — Я знаю, когда лосям время спускаться с гор в низины, и знаю, в какой час они каждый день будут переходить через эту дорогу, ведущую к реке. Я знаю, когда медведи начнут выходить на поиски пищи и совершать набеги на наши яблоневые сады. Я знаю, когда события идут своим чередом, а когда нет. — Тут он снова посмотрел на них и добавил: — Но вам придется прожить здесь не один год, чтобы понять толком, о чем я говорю.

Кэп коротко пробарабанил пальцами по стойке.

— Что, существует какая-то *особенная* угроза, которой нам следует опасаться?

Пик немного подумал и ответил:

— Возможно, вы заметили, что на улицах здесь не особо много людей. Не скажу, что меня не интересуют их дела, они меня очень даже интересуют, но я говорю им то, что знаю; говорю, поскольку точно знаю, что знаю, и никто не скажет мне, что я говорю, чего не знаю. — Потом он кивком головы

указал на пожелтевший от времени постер, прикрепленный кнопками к стене.

Кэп подумал, что он видел такое изображение раньше: размытая фигура огромного обезьянообразного существа, взятого общим планом. Оно шагало на двух ногах через реку, запруженную бревнами. Внезапно все напряжение с него как рукой сняло.

— *Снежный человек?* — спросила Синг.

Кэп понял, что она с трудом сдерживает улыбку.

— Не смейтесь.

— Нет, нет, я не смеюсь.

Взгляд Пика обрел сосредоточенное выражение, когда он прислушался к звукам, слышимым только ему одному, и погрузился в старые воспоминания.

— Однажды я слышал вой... восемь или девять лет назад. Он не походил на вой ни одного известного мне зверя. От него кровь стыла в жилах.

Синг подалась вперед, явно заинтригованная серьезным тоном старика.

— На что он был похож?

Он сморщил переносицу, продолжая напряженно прислушиваться.

— Что-то среднее между волчьим воем и рычанием льва. Протяжный и раскатывающийся эхом. Жуткий.

Кэп не особенно старался подавить улыбку.

— Но это было девять лет назад?

Пик посмотрел прямо ему в глаза без тени улыбки на лице.

— Тогда я слышал вой в первый раз. Но я хотел сказать, что слышал его снова последние несколько ночей. Похоже, воет не одно существо, а несколько сразу, и они чем-то страшно расстроены.

Подобный вздор Кэп читал в бульварных газетенках, вывешенных на фасадах бакалейных лавок. Он прислонился к

стене и сложил руки на груди, лениво скользя взглядом по заставленным полкам за спиной старика.

— Девять лет ни звука, — настойчиво продолжал Пик, — а теперь они поднимают такой шум? Кэп, они же явно воют не на пустом месте. Здесь творится что-то неладное.

Кэп снова встретился с ним снисходительным взглядом.

— Возможно, это волк. Насколько я знаю, волков снова стали разводить на севере.

Хозяин отеля вскинул руки, уступая.

— Хорошо, думайте как вам угодно. Но только сделайте мне одну милость: соблюдайте осторожность.

Кэп кивнул.

— Мы постараемся.

Синг рассматривала витрину, находившуюся прямо под постером. Под стеклом лежали пожелтевшие газетные вырезки, фотографии с запечатленными на них загадочными следами, а прямо посередине размещался гипсовый слепок с отпечатка огромной ступни.

— Хм. Взгляни на это.

Кэп оперся о витрину, беспристрастный и довольный своей способностью сохранять беспристрастность.

— Полагаю, вы свято верите в существование снежного человека?

— Не по собственному выбору, — ответил Пик.

— Когда-нибудь видели хоть одного?

— Нет. А вы когда-нибудь видели росомаху?

Кэпу вопрос показался несколько странным.

— Нет.

— Очень и очень немногие видели росомаху, но она все же существует, не так ли?

Пока Синг рассматривала по второму разу содержимое витрины, Пик указал на гипсовый слепок.

— Он достался мне от одного ученого, занимающегося поисками снежного человека, всего год назад. Он нашел отпечаток ноги неподалеку, в горах.

— И вы заплатили за него хорошие деньги, полагаю, — сказал Кэп.

— Ну, это дело касается только нас с ним.

Синг подалась вперед, чтобы получше рассмотреть слепок.

Кэпу пришлось продолжить допрос Пика.

— Но сколько людей всю жизнь прожили в этой местности и ни разу не видели ничего подобного?

— Эти существа умные и не *хотят*, чтобы их видели. Вам это никогда не приходило в голову?

— И все же это не означает... — Кэпу не понравилось выражение лица Синг и мысли, которые оно выдавало. — Я бы сказал, кто-то мастерски вылепил эту штуковину. — Синг надела очки и принялась внимательно разглядывать какую-то линию на слепке, водя пальцем по стеклу. — Просто мастерски.

Путешествие проходило неплохо — в физическом плане. Перед завтраком Бек всегда совершала двухмильную пробежку и потому была готова к трудному переходу, а Рид, будучи помощником шерифа, гордился своей физической формой. Они шли скорым шагом; Рид чуть не бежал по тропе, демонстрируя силу и тренированность своих мышц и сердечно-сосудистой системы, а Бек не отставала от него, не желая ударить в грязь лицом. Становилось теплей, и Рид оказался прав насчет кожаной куртки: уже через несколько минут Бек сняла ее, и теперь она висела на раме рюкзака.

Путь лежал в гору, в гору и только в гору. Они взобрались по крутому лесистому склону протяженностью в полмили,

потом повернули и поднялись на полмили в другом направлении, потом снова повернули и преодолели крутой подъем справа, потом слева, потом снова справа — и так далее.

Когда они закончили долгое восхождение и спустились по северному склону в древний лес, поход из спортивного соревнования превратился в нечто почти... мистическое. Это был не обычный лес с частыми деревьями высотой с телефонные столбы и колючим кустарником между ними. Нет, они оказались в некоем невиданном сказочном мире, словно сотворенном фантазией Толкиена или Льюиса, в чудесной местности, где землю сплошь покрывал мягкий зеленый ковер мха и торфа, испещренный крохотными белыми цветочками, где переливчатые жуки с прозрачными крылышками сверкали в солнечных лучах и ноги ступали почти бесшумно по обратившейся в труху красной коре миллионов деревьев, живших здесь в прошлом. *Этот* лес поразил воображение Бек. Она читала о нем и даже писала фантастические рассказы в детстве. Именно здесь хоббиты и эльфы, феи и принцессы, рыцари и великаны-людоеды переживали увлекательные приключения и плели интриги, именно здесь разного рода проказливые создания обитали под извилистыми змеевидными корнями деревьев. Именно здесь...

— Рогоз — съедобное растение, ты знала? — Рид еще не выложил всю информацию, какой владел, и просто горел желанием поделиться. — Можно есть стебель, цветки и даже корни. Конечно, он растет в заболоченной местности, для которой здесь высокогато. — Он говорил тоном опытного лесничего, совершающего обход своих владений, и действовал Бек на нервы.

Она подавила раздражение и принялась рассматривать грубую корявую кору огромных деревьев. Какой у них возраст, интересно? Сколько веков они тут стоят? Сколько...

— Смотри, улитка. Ты знаешь, что они съедобны? Конечно, их лучше как-нибудь приготовить, но можно есть и сырыми.

Ну довольно.

— Р-рид. Д-даже если т-ты зажаришь улитку и п-польешь с-соусом, я есть не ст-тану, хоть убей. П-перемени тему.

— А как насчет травы? Помнишь, мы недавно проходили через луг? Мы могли бы приготовить котелок тушеной травы, может даже заварить чай.

— Если мне н-не изменяет п-память, д-для чая у нас есть с-сосновая хвоя.

— Ну вот, ты уже учишься. Послушай, ты знаешь, как без компаса определить, где север и юг?

— Т-ты з-замолчишь когда-нибудь?

— Бек, мы же должны научиться всему этому.

— Рид, я вполне довольна своей жизнью, честное слово! У меня есть незаконченный роман, две недописанные картины и куча исследовательской работы. Я могла бы сейчас спокойно заниматься своими делами и наслаждаться жизнью, но *не-е-ет*, мне приходится топтать на своих двоих по диким лесам, слушая разглагольствования своего приземленного мужа о поедании улиток.

— В ближайшие дни, Бек, ты поймешь, насколько полезны подобные знания.

Она твердо намеревалась научиться такого рода вещам, но не собиралась сообщать об этом Риду. Она украдкой бросила взгляд на улитку, когда проходила мимо. О'ке-е-ей. Все ясно.

Рид наконец умолк, и она получила счастливую возможность успокоиться и получать удовольствие от происходящего — даже больше чем просто удовольствие. Она уже поняла, что Рид пытался сказать ей. Перед ней открывались прекрасные пейзажи, каких она никогда прежде не видела. Она испытывала чувства, какие невозможно испытать ни в

одном другом месте: одиночество, восхищение. Неповторимую песню леса можно услышать только в величественном *покое и безмолвии* природы. Она хотела запечатлеть это, но какая фотокамера способна передать глубину подобного образа? Какие слова способны пробудить подобное чувство? Бог говорил через Свое творение, и послание свыше проникло прямо в сердце, минуя мозг. Все было столь...

— А-га. — Рид резко остановился, и она, погруженная в свои мысли, едва не налетела на него.

— Что?

— Не хижина ли там?

Впереди петлистая тропа спускалась в тихую, тенистую ложину с ручьем, мостом через который служило древнее поваленное дерево. За ручьем на склоне виднелись останки строения, созданного руками человека. Некогда оно представляло собой примитивное, но надежное пристанище, сооруженное из обтесанных вручную бревен и установленное на фундаменте, сложенном из речных камней. Некогда оно имело крытую веранду, переднюю дверь и по окну в каждой стене. Некогда оно полностью соответствовало описанию, данному в брошюре Рэнди Томпсона, и являлось тем самым «уединенным приютом, ради которого стоит совершить пешее путешествие по дикой местности».

Они не сводили с него глаз, пока молча спускались по тропе. Хижина то скрывалась за деревьями, то снова появлялась, с каждым следующим своим появлением давая новые поводы для уныния: крыша веранды обвалилась, поддерживавшие ее столбики треснули пополам; передняя дверь, еле видная за провисшей крышей веранды, косо висела на одной петле; на отлогом берегу ручья внизу валялись обломки кровати с изодранным в клочья матрасом.

Когда они подошли к перекинутому через ручей бревну, хижина стала видна как на ладони. Рид сверился с картой и подробными инструкциями Рэнди Томпсона.

— Ну да. Это та самая хижина.

Одно окно было разбито, другое вообще выломано из проема, вместе с рамой и всем прочим. Пол веранды и землю вокруг хижины усеивали пустые пищевые контейнеры, обрывки оберточной бумаги, сплюснутые консервные банки, рассыпанная мука.

— Сюда кто-то наведывался, — сказал Рид. — Возможно, медведь.

— М-мистер Т-томпсон! — крикнула Бек. — Мистер Томпсон!

Единственным ответом ей служил лишь заунывный шум ручья Лост-Крик под мостом.

